

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК 821.161.1.09

Ю. В. Лебедев

*Костромской государственный университет
y-v-lebedev@ya.ru*

О ХРИСТИАНСКИХ ИСТОКАХ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье раскрываются уникальные особенности русской классической литературы, понимание русскими писателями человека и пути личности, обосновывается тесная связь национальной литературы с православно-христианскими ценностями.

Ключевые слова: русская литература, русская классика, национальное своеобразие, творчество, православие, человек, прогресс, идеал.

Yu. V. Lebedev

*Kostroma State University
y-v-lebedev@ya.ru*

ON CHRISTIAN ORIGINS OF CLASSICAL RUSSIAN LITERATURE

The unique features of Russian classical literature, understanding of human and the path of personality by Russian writers are revealed in the article, the close connection of national literature with Orthodox-Christian values is justified.

Keywords: Russian literature, Russian classic, national identity, creative work, Orthodoxy, human, progress, ideal.

Поскольку атеизм был и всё ещё остаётся у нас в течение столетия официальной или распространённой, как ныне, «религией», идеалы русских писателей стыдливо умалчиваются, поскольку природа их была и не могла не быть христианской в сокровенном её качестве и существе. Один из героев Томаса Манна назвал русскую литературу «святой». Ни одна из литератур христианской Европы, несмотря на их неоспоримое богатство, не поднималась на такую духовную высоту, какая была взята литературой русской. Перечитывая «Войну и мир», Н. Н. Страхов говорил Толстому 27 июля 1887 года: «Если бы я теперь писал свои статьи об Вас, то написал бы иначе. <...> Если Вы давно не читали “Войны и мира”, то убедительно прошу и советую Вам – перечтите внимательно это первое полное выражение стремлений Вашей души; Вы увидите, что, в сущности, они те же, что и теперь, и выражены часто с бесподобною силою и ясностью. Вы вывели на сцену целую толпу людей религиозных, Вы показали, как растёт и живёт в душе религия, и какую силу она даёт людям. Несравненная книга!» (4, 355)

Напомню замечательные её страницы. В роковую минуту смертельного ранения князь Андрей испытывает последний, страстный и мучительный порыв к жизни: «совершенно новым завистливым взглядом» он смотрит «на траву и полынь». И потом, уже на носилках, он задаётся мыслью: «Отчего мне так жалко расставаться с жизнью? Что-то было в этой жизни, чего я не понимал и не понимаю» (7, т. 6, 264).

И вот теперь, узнав «в несчастном, рыдающем, обессиленном человеке» Анатоля Курагина, князь находит радостную и неожиданную способность простить его. «В чём состоит связь этого человека с моим детством, с моею жизнью? – спрашивал он себя, не находя ответа. И вдруг новое, неожиданное воспоминание из мира детского, чистого и любовного, представилось князю Андрею. Он вспомнил Наташу такую, какую он видел её в первый раз на бале 1810 года, с тонкой шеей и тонкими руками с готовым на восторг, испуганным, счастливым лицом, и любовь и нежность к ней, ещё живее и сильнее, чем когда-либо, проснулись в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между им и этим человеком, сквозь слёзы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь Андрей

вспомнил всё, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не мог удерживаться более и заплакал нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями.

“Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам – да, *та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что ещё оставалось мне, ежели бы я был жив*» (7, т. 6, 267. Курсив мой. – Ю. Л.).

В полубреду князь Андрей просит у доктора книгу. «Какую книгу?» – «Евангелие! У меня нет». «Он всё говорил о том, чтобы ему достали поскорее эту книгу и подложили бы её туда. – “И что это вам стоит! – говорил он. – У меня её нет, – достаньте, пожалуйста, подложите на минуточку”, – говорил он жалким голосом» (7, т. 6, 396–397).

Подчиняясь спасительному чувству духовной любви к Богу и людям, князь Андрей впервые осознаёт свою жестокость по отношению к Наташе: «“Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. *И из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как её*”. *И он живо представил себе Наташу* не так, как он представлял себе её прежде, с одною её прелестью, радостной для себя; но в первый раз представил себе её душу. И он понял её чувство, её страданья, стыд, раскаянье. *Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею*» (7, т. 6, 399. Курсив мой. – Ю. Л.).

Русская литература представляет собою уникальное явление отечественного Ренессанса, аналогичного западноевропейскому реализму эпохи Возрождения, но *обладающего специфическими национальными особенностями*. Человек, начиная с эпохи Возрождения, был провозглашён на Западе «мерою всех вещей». Русская классика утверждала иное. Она ощутила тревогу за судьбы человечества на том этапе его истории, когда стали обнаруживаться катастрофические последствия такого обожествления человека. Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Тургенев и Гончаров остро почувствовали трагизм исторического развития, в зерне которого лежало обожествление человека, основанное на антихристианской идеализации его «природы», на соблазне – «и будем, как боги».

Гоголь, Гончаров, Достоевский вместе с другими русскими классиками были решительными противниками того понимания прогресса, которое утверждала радикально настроенная молодёжь. Прогресс в науке, заявляла она, состоит в постоянном расширении круга познания, в открытии новых научных данных, ставящих под сомнение, а то и вообще отрицающих знания предыдущие. То же самое происходит и в духовно-нравственной сфере. «Дети» вправе ставить под сомнение и отрицать те нравственные идеалы, те духовные ценности, которыми вдохновляются «отцы».

Русская классическая литература утверждала, напротив, что «для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик, и до самого гроба ученик» (1, 55), что «в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует Евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания» (2, 157). Русский писатель был убеждён, что любое жизнестроительство нужно начинать с себя, а не с окружения. Человек с убогой душой, отягощённой «первородным повреждением», не в состоянии изменить жизнь к лучшему. Все его реформаторские предприятия будут обречены. Только освобождая себя, только духовно совершенствуясь, можно надеяться на благодатные внешние перемены.

Здесь устанавливаются прямые или косвенные контакты русской классики со святоотеческим наследием. Современник Пушкина преподобный Серафим Саровский говорил: «Ра-

дость моя, стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи» (5). В свою очередь и Пушкин заявлял: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (6, т. 6, 455–456). Именно таким заветам следовала русская классическая литература XIX века в магистральном русле своего развития. Достоевский называл Православную Церковь «нашим русским социализмом»: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» (3, 19).

Тема «Христианство и литература» стала в последние годы одной из признанных в отечественном литературоведении. Однако не всегда учитывается то обстоятельство, что связь писателя с религиозной святыней своего народа осуществляется на уровне генетической культурной памяти и проявляется не только в том, *что* он изображает в произведении, но и в том, *как* он видит мир. Иначе говоря, эта связь не может не просматриваться в особенностях *поэтики* русской классической литературы, национальный облик которой в значительной мере сформировался под тысячелетним воздействием православно-христианских ценностей.

«Область поэзии бесконечна, как жизнь, – писал Лев Толстой, – но все предметы поэзии *предвечно* распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства» (7, т. 18, 731). Обратим внимание на слово «*предвечный*», употреблённое Толстым. Оно означает, что в сознании русского писателя иерархия ценностей не людьми придумана, не художником изобретена. Не человек в этом мире является «мерой всех вещей»: эта мера объективна и существует независимо от наших субъективных желаний и пристрастий. Она явлена нам свыше, как солнце, как небо, как звёзды, её можно почувствовать в гармонии национального пейзажа, где всё соразмерно, организовано, прилажено друг к другу, её можно ощутить в музыке родного языка.

Русским писателям XIX века была органически чужда западноевропейская теория «самовыражения», согласно которой художник является полноправным и безраздельным творцом создаваемого им самим художественного мира. Пушкин настаивал на другом, на прозрении скрытого «лада», на постижении «высшего порядка вещей в окружающем мире». В стихотворении «Поэт» Пушкин отрекается от авторской гордыни, он говорит, что в повседневной жизни поэт не отличается от всех смертных и грешных людей: он малодушно предаётся «заботам суетного света», душа его порою «вкушает хладный сон» и «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Всех удивляло в Пушкине, как впоследствии в Тургеневе и других русских писателях, отсутствие тщеславия и самомнения. Русский писатель не кичился своим талантом, ибо видел в нём не личное достоинство, а Божий дар, данный ему свыше. По отношению к этому дару он, как всякий смертный человек, испытывал высокое, почти религиозное благоговение. Свою одарённость русский писатель никогда не считал сугубо личной заслугой:

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл. (6, т. 3, 22)

«Самостояние» поэта лишено у Пушкина горделивого самообожествления. В формуле суверенности поэта заключена мысль о том, что поэт служит Богу, а не себе и не людским прихотям. Вдохновение созерцательно и бескорыстно лишь тогда, когда к нему не примешивается мысль о славе, когда его не обременяет никакая корыстная практическая цель, когда поэт не думает о том, как воспримут его читатели, и не старается подыгрывать их вкусам, их

желаниям. Отсюда – пушкинское: «Поэт, не дорожи любовью народной», отсюда же – хрестоматийные строки пушкинского «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...»:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца. (6, т. 3, 373)

Отсюда – характерная, православная по своей сути, «стыдливость художественной формы», свойственная фактически всем нашим писателям-классикам и составляющая родовую черту нашего художественного сознания. На эту особенность русской поэзии чаще всего обращали внимание французы. И. С. Тургенев в речи по поводу открытия памятника Пушкину вспоминал: «Ваша поэзия, – сказал нам однажды Мериме <...>, – ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске <...> У Пушкина, – прибавлял он, – поэзия чудесным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы» (8, 70).

Ни русский роман, ни русская драма, ни русская лирика не укладываются в те чёткие отточенные художественные формы, какие предлагают им западноевропейский реализм. «Что такое “Война и мир”? – спрашивал Л. Н. Толстой и отвечал на этот вопрос так. – Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт даже ни одного примера противного» (7, т. 7, 356).

Для русской эстетики характерна незавершённость жанровых форм, даже принципиальная их незавершаемость. Так русский писатель обозначает потенциальные возможности жизни к движению, к переменам. Завершённый человек у Толстого – самодоволен и ограничен. Красота личности неотделима у него от способности этой личности духовно расти и совершенствоваться. Завершённая форма – свидетельство исчерпанности жизненных сил, а в пределах земного, природного круга это неправда, скрывающая эгоистическое стремление художника вступить в состязание с Тем, Кто наделил его творческим даром.

Демонстративно отталкиваясь от искусства французской классической драмы, А. Н. Островский говорил, что «интрига есть ложь». Е. Г. Холодов, кропотливо исследуя мастерство Островского, доказал, что начало в его пьесах стремится быть похожим на продолжение: драматург достигает иллюзии врасплох застигнутой жизни. Потом у него тянется замедленная и развёрнутая экспозиция с привлечением героев, не имеющих прямого отношения к основному событию. Завязка в драмах Островского какая-то неуверенная, напоминающая скорее «возможность завязки» и как бы оставляющая жизни шанс на иной, неожиданный и непредвиденный ход. В кульминацию не втягиваются все наличные жизненные силы, словно хранящиеся в резерве и ещё ждущие своего часа. Поэтому и развязки у Островского не имеют претензии на окончательный итог. Они могут быть названы развязками лишь условно, так как не распутывают до конца основной узел жизненных противоречий и конфликтов (см.: 10). Островский питает доверие к повседневному ходу жизни, смягчающему самые острые конфликты, и зритель чувствует, что творческие возможности жизни неисчерпаемы, итоги, к которым привели события, относительны, движение жизни не завершено и не остановлено. В самом совершенстве художественной формы ему видится ложь, претензия писателя завершить не завершаемое, закруглить не закругляющееся. На пути движения к Совершенству всякие итоги условны, всякие концы – лишь вехи.

В связи с этим эстетический крен в изучении отечественной литературы не свободен от некоторой односторонности. Ведь русский писатель не мыслил красоты в отрыве от добра и правды. Более того, правду и добро он ставил всегда на первое место, не будучи слишком озабочен «чистой» красотой. При изучении русской литературы нельзя отделять красоту от правды, а правду от добра. Эстетический уклон не отвечает самой сути нашего искусства слова, его целостной триединой природе. Очень важно нам сейчас, когда общество наше утратило нравственные ориентиры и спутало безобразие с красотой, зло с добром, прояснить немеркнущие и вечные духовно-нравственные идеалы родной литературы.

Иногда говорят, что идеалы её слишком далеки от современности. Это ложь. Идеалы её, в своих христианских истоках, соприродны человеку. Не случайно один из отцов нашей церкви полагал, что душа человека по природе христианка. Да и Христос утверждал, что «Царство Божие внутри вас есть». Классика – не развлечение. К ней неприменимы расхожие читательские оценки: «нравится – не нравится». Приобщение к высокой литературе – не забава, а напряжённый труд.

Любовь к великой литературе нужно заслужить через духовный и трудный путь приобщения к тем ценностям и святыням, которые в ней заключены и которые она утверждает. Эти ценности никак не зависят от наших мнений о них и от нашего к ним отношения. Они абсолютны, как земля, небо и солнце. Н. Н. Страхов писал: «В таких великих произведениях, как “Война и мир”, всего яснее открывается истинная сущность и важность искусства. Поэтому “Война и мир” есть также превосходный пробный камень всякого критического и эстетического понимания, а вместе и жестокий камень преткновения для всякой глупости и всякого нахальства. Кажется, легко понять, что не “Войну и мир” будут ценить по вашим словам и мнениям, а вас будут судить по тому, что вы скажете о “Войне и мире”» (9, 392).

И тот же Н. Н. Страхов в письме к Льву Толстому от 31 марта 1882 года произнёс слова, которые могут быть прямо адресованы и нам, и всему европейскому человечеству XXI века: «Начиная с Реформации и раньше и до последнего времени, всё, *что люди делают* (как Вы говорите) – не вздор, а постепенное разрушение некоторых положительных форм, сложившихся в Средние Века. Четыре столетия идёт это расшатывание и должно кончиться полным падением. В эти четыре века *положительного ничего не явилось*, да и теперь нет нигде в целой Европе. Самое новое – в Америке и состоит в том, что голоса продаются, места покупаются и т. п. Общество держится старыми элементами, остатками веры, патриотизма, нравственности, мало-помалу теряющими свои основания. Но так как эти начала были воспитаны христианством до неслыханной силы, то человечество неизгладимо носит их в себе, и их ещё долго хватит для его подержания. Но живёт оно не ими, а против них или помимо их» (4, 292).

Литература

1. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Сочинения Н. В. Гоголя. Изд. 15-е; под ред. Н. С. Тихонравова. Т. 7. СПб., 1900.
2. Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1955.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М., Л., 1984.
4. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1913.
5. Преподобный Серафим Саровский и его духовные наставления. URL: Режим доступа: serafim-sarovskij-nastavlenija.html&d=1.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 3-е. М., 1964. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
7. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1980. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Соч.: в 15 т. Т. 15. М., Л., 1968.
9. Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). Изд. 3-е. СПб., 1895.
10. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. Изд. 2-е. М., 1967.